

Что происходит в стране сказок?

Евгения Шварца традиционно зачисляют в разряд драматургов-сказочников. Но волшебная сила любви, милосердия, творящая чудеса в его пьесах, вполне в человеческих возможностях.

Что может быть интереснее взрослому человеку в пьесе, адресованной детям! Прежде всего характеры героев, мысли, выходящие за рамки детскости, и, пожалуй, необычность изложения. Детская сказка, не интересная взрослым, незлобно значит в искусстве.

В НАШЕ время величайших подлостей и предательств, невиданного лицемерия и социальной демагогии как нельзя кетати спектакль одного из самых грозных сатириков века, юмориста божьей милостью, нежного лирика. Но большой наемщик никогда не обижал людей зря.

Так ли уж странно, что медведь ведет себя по-человечески, а люди — по-медвежьи? Пускают в ход волчьи, лисьи, ужи повадки. Зло есть зло, в каких бы обличьях оно ни выступало.

И самая выразительная фигура такого рода — Министр-администратор из «Обыкновенного чуда», поставленного на сцене городского театра. Этот циник излагает свою подлую философию:

— Все люди свиньи, только одни в этом признаются, а другие ломаются. Не я презренный, не я злодей, а все эти благородные страдалцы, странствующие проповедники, бродячие певцы, нищие музыканты, площадные болтуны. Я весь на виду, всякому понятно, что я хочу. С каждого по-немножку — я уже не сержусь, веселею, успокаиваюсь... А эти раздуватели чувств, мучители душ человеческих — вот они истинные злодеи, убийцы непойманные. Это они лгут, будто совесть существует в природе, уверяют, что сострадание прекрасно, восхваляют верность, учат доблести и толкают на смерть обманутых дурачков. Это они выдумали любовь. Нет ее! Поверьте солдному, состоятельному мужчине.

Однако Шварц утверждает обратное: весь мир держится только на любящих людях, если они в это горячо верят, со всей силой безрассудного чувства. Тогда и происходит чудо. Вот почему спектакль взывает к вере в благородство людей, в смелость и чистоту помыслов, дел.

Пусть охотники, палачи, администраторы не перевелись на земле, и Бог знает когда переведутся, но безоговорочную симпатию зрителей рождает Волшебник, роль которого исполнил Александр Ряписов. Он-то больше всего и понравился мне. А еще разноклика Эмilia — Наталья Скобелкина, действительно — кавалерственная дама! При всем моем уважении к Саши Чайникову, его роль, к сожалению, пока получилась хладной.

Образы потрясающих Министров можно было бы наполнить множеством нюансов, но актеры спешат проиграть, не дав нам возможности сообразить, оценить.

Дидактическим был и принц-медведь, не сумевший превратить череду драматических событий в волнующую историю.

Интересно бывает, когда характер вспыхивает живым огнем, когда чувства угадываются в пределах одного жеста, одной фразы, когда образы гибче. Тогда инска-зательный язык сказки обязательно достигнет цели.

Отсутствие глубины, личной взволнованности происходящим не прикроешь очень эффектной постановкой заслуженного деятеля культуры России Вячеслава Анисимова. Великолепны массовые сцены, художественное оформление спектакля Владимиром Кудымовым, световое решение Владимиром Галимовым.

И все же эту премьеру я восприняла пока как генеральную репетицию будущего замечательного спектакля.

СМОЛЖИИ аллодисменты. Среди спешащих к разведальке зрителей вдруг неожиданно вижу Андрея Шимко, студента института «Русской драмы» в Санкт-Петербурге.

— Андрей, ты же в городе должен был появиться только в январе, после зимней сессии. Что случилось?

— Ничего. Приехал на один день специально на премьеру.

— Какие впечатления?

— Мне ли давать интервью? Да я еще никто. Для меня театр — это представление, фейерверк. В данном случае он получился. Были интересные находки, сказочно-праздничная атмосфера. Жаль, что текст в основные моменты был каким-то пафос-

лым, не хватало искренности, а отсюда и нашего сопереживания. Мне кажется, что не просторные линии самих персонажей — они могут быть гораздо ярче, особенно игра первого Министра. А вообще здорово, что, не подражая никому, сделали свой спектакль, который мне понравился. Рад, что посмотрел.

Попрошавшись с Андреем, спешу на встречу Вячеславу Ивановичу Анисимову, главному в этот день в этом здании.

— Странно было бы увидеть романтического Шварца. Он жил в трагическую эпоху, пережил сталинское время, пору ленинградской блокады... Его сказки были дерзким нарушением в среде ее правил. Не случайно, например, «Дракон» при жизни даже не вышел, «Гольи король» написан через год после прихода Гитлера к власти, а впервые опубликован спустя 26 лет. В том же 60-м году впервые и поставлен в «Современнике». Шварц избирает для себя сказку, где сильно разграничены Добро и Зло. Поэтому Злодей — законченный мерзавец, а Волшебник — добряк. Но можно ли считать добром эксперимент над человеческой душой, какой сделал сам Волшебник, превратив медведя в принца, подвергнув его испытанию? Добро это или Зло? Но драматургу необходимо было подчеркнуть, что любовь — «обыкновенное чудо», которое живет рядом с нами.

Засилье американского экрана полностью уничтожило наши вкусы. Страна великих Чехова, Достоевского, Пушкина... Россия золотого века культуры и литературы скатилась до бразильских телесериалов. Это дурно-твердое, механистично. При этом упорно твердим о возрождении. А через что? Через дурную сказку, которую пишут и переводят малопрофессиональные литераторы? Их множество не только на полях, но и в литчестях театров. Это дурновкусие тоже выходит на профессиональные сцены.

Я режиссер уже 16 лет. И за эти годы поставил только шесть сказок. Но какие! «Остров сокровищ», «Принц и нищий», «Аленький цветочек», «12 месяцев», «Одиссея капитана Блада», «Каменный цветок» и вот «Обыкновенное чудо». Считаю это литературой, достойной любого зрительного зала.

Я не могу делить публику, как кусок хлеба, на детей и взрослых. Если актеры схватывают сцену и ведут ее, то зал замирает, независимо, взрослые или малыши в нем. Каждый из них в равной степени подвержен влиянию искусства. Поэтому я как режиссер делаю сказки для зрителя.

Мой учитель Г. А. Товстоногов говорил, что на четырех китах держится искусство: крестьянину — сюжет, дамам — чувства, философам — мысль, зрителям — зрелище. Если недостает хотя бы одного компонента, значит, чуда нет.

Не может быть — на сегодняшней сцене этого, плохо рожденного театра, зрелища, потому что здесь нет для этого даже элементарного. У театра нет средств.

У нас в театре сцены на полтысячи киловатт — это полтысячи источников света, которые высветят даже зрачок, а здесь две лампочки на всю сцену. То, что сделал Володя Галимов, — просто чудо. Декорации шиты из старых, кем-то выброшенных мешков.

О каком же чуде можно говорить?

И все-таки театр, бывший любительским, становится на профессиональные рельсы. Кому-то от природы дан талант, и они резко выделяются, кто-то обучается актерской профессии. Но профессия может дать только мастерство. Ведь талант — это как красота. Она есть или ее нет.

СЕГОДНЯ АКТЕРЫ существовали в спектакле очень неровно. Не может человек держать сцену — тогда слово Шварца становится информационным, думаешь: скорее бы отговорили. Но премьеры — это лишь начало жизни спектакля на сцене, его первые шаги. Они еще робкие, неуверенные, но уже радуют и нас, его создателей, и первых зрителей.

К примеру, мой «Дикарь» стал всесоюзным лидером. На скатертинбургской сцене он прошел 400 раз!

В театре вашего города я уверен. Пусть премьеры этого сезона тоже проживут десятки лет.

Л. ГАЛАКТИОНОВА.